

© 2019 г.

А. С. СТЫКАЛИН

ВЕНГЕРСКИЙ КРИЗИС 1956 года И НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ РУМЫНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ КОММУНИЗМА

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573: Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.).

DOI: 10.31857/S013038640004841-3

Вхождение Румынии, как и целого ряда других государств Центральной и Юго-Восточной Европы по итогам Второй мировой войны в сферу влияния СССР в условиях биполярной Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений предопределило формирование определенных механизмов централизованного советского контроля над страной, действие которых в той или иной мере сохранялось и после смерти Сталина в марте 1953 г. Они включали в себя размещавшийся именно в Румынии аппарат Коминформбюро (существовавшего до апреля 1956 г.)¹, присутствие советских войск в стране до середины 1958 г., функционирование до середины 1950-х годов широкой сети совместных предприятий и обществ в ключевых отраслях промышленности и транспорта², развитый институт командированных из СССР советников как в экономике, так и в государственном аппарате (включая силовые структуры)³. В условиях массированного и всестороннего советского влияния диктатура Румынской рабочей партии (РРП) во главе с Г. Георгиу-Дежем, установившаяся в стране к 1948 г.,⁴ к началу 1950-х годов перенимает, как и другие режимы «народной демократии» в Восточной Европе, многие существенные типологические черты сталинской модели государственного социализма. Речь идет о сверхцентрализме управления всеми сторонами жизни общества, о государственной экономике, всецело подчиненной единому плану, жестком (и зачастую превентивном) преследовании любой идейно-политической оппозиции, строгом контроле над духовной жизнью общества и средствами массовой информации. В соответствии с концептами советской коллективизации рубежа 1920–1930-х годов осуществляются насильственными методами крайне болезненные для крестьян реформы сельского хозяйства. Во внешнеполитическом плане лишенный какой бы то ни было самостоятельности, румынский «народно-демократический» режим (как

¹ Стыкалин А. С. XX съезд КПСС и роспуск Коминформа. — Вопросы истории, 2016, № 10. с. 3–19.

² Relațiile economice sovieto-române după al Doilea Război Mondial. Prezentările de la masă rotundă internațională. București, 2017.

³ Барам М. К вопросу о ликвидации советской системы советников в странах Восточной Европы. — Studia Historiae Bulgariae et Europae Orientalis. К юбилею Т. В. Волокитиной. М., 2018. с. 254–266.

⁴ В конце 1947 г. в стране была ликвидирована монархическая форма правления, к 1948 г. из политической жизни были вытеснены все оппоненты компартии (с 1948 г. РРП).

и другие режимы в странах советской сферы влияния в Восточной Европе) превратился в проводника внешней политики СССР, которая в условиях обострившейся “холодной войны” носила все более конфронтационный характер; в роли врагов при этом выступали как блок НАТО (созданный в 1949 г.), так и соседняя с Румынией титовская Югославия, отлученная весной — летом 1948 г. по воле И. В. Сталина от мирового коммунистического движения и формирующегося советского лагеря⁵.

Советско-югославские отношения, достигнув своей низшей точки к осени 1949 г., когда в Будапеште состоялся громкий судебный процесс по делу Ласло Райка ярко выраженной антиюгославской направленности (а вслед за этим была принята резолюция Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), продолжали и в последующие годы оставаться предельно напряженными, балансируя на грани перерастания в настоящую войну — вдоль границ стран-сателлитов СССР (включая Румынию) с Югославией было размещено большое количество войск и боевой техники, происходили частые приграничные инциденты. Не утихала и мощная пропагандистская кампания, направленная своим острием против титовской Югославии и служившая задачам консолидации формирующегося советского блока, что предполагало безоговорочное подчинение национальных коммунистических элит единому центру. Сербское население пограничных с Югославией районов Баната депортировалось румынскими властями в глубь страны.

Внутриполитическая борьба после ликвидации оппозиции локализуется в рамках правящей партии, не став при этом менее острой. В 1952 г. наносится удар по группе Анны Паукер — Василе Луки. Арестованный в 1948 г. видный деятель компартии Л. Патрашкану получил в 1954 г. (уже после смерти Сталина) смертный приговор на судебном процессе, основанном на фальсифицированных обвинениях⁶.

В начале 1950-х годов по инициативе Сталина в странах советской сферы влияния (включая Румынию) принимаются меры по укреплению военно-промышленного комплекса. По итогам совещания в Кремле в январе 1951 г. им было навязано заметное увеличение расходов на содержание армий и развитие тяжелой промышленности (в первую очередь ее оборонных отраслей). Поскольку создание мощного потенциала тяжелой индустрии и укрепление ВПК происходили за счет сокращения затрат на социальные нужды, этот курс не только приостановил едва наметившуюся было тенденцию к повышению уровня жизни населения, но вел к его снижению, что крайне болезненно было воспринято обществами, совсем недавно пережившими жесточайшую военную разруху.

Со смертью Сталина 5 марта 1953 г. его соратники по кремлевскому руководству должны были внести определенные коррективы в конфронтационную внешнюю политику, чреватую перерастанием “холодной войны” в полномасштабное вооруженное столкновение с США и их союзниками. Требовал среди прочего своей развязки советско-югославский конфликт, продолжавший оставаться серьезным источником напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе.

Март 1953 г. застал европейские страны «народной демократии» перед лицом нарастающих экономических трудностей. Донесения по линии Коминформбюро, МИД СССР и спецслужб, поступавшие в Москву, свидетельствовали о неблагоприятии в румынской экономике, надрывававшейся под грузом непомерных военных

⁵ Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946—1953 гг. Очерки истории. М. — СПб., 2017.

⁶ Волокитина Т. В. «Румынские товарищи хотели бы получить совет...» (Советский фактор в «деле» румынского коммуниста Л. Патрашкану. 1948—1954 гг.). — Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений. Сб. статей. М., 2017. с. 296—318.

расходов, о дальнейшем снижении уровня жизни, симптомах острого недовольства населения своим материальным положением⁷. Хотя протестные настроения в обществе ширились⁸, монополия коммунистической власти с ее по-прежнему все- сильным репрессивным аппаратом не дала пока еще той трещины, которую смогли бы заполнить (подобно тому, как это происходило после 1953 г. в Венгрии и Польше) внутрипартийные силы, склонные к реформам, не говоря уже о внесистемных политических образованиях.

XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.), секретный доклад Н. С. Хрущёва, вскрывший масштабные преступления сталинской эпохи, придали мощный импульс реформаторским силам в странах советского лагеря, ведь критика тех или иных сторон однопартийной системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались нещадным гонениям, вдруг получила неожиданную поддержку из самой Москвы. Движение с требованием коренной демократизации и десталинизации коммунистического режима достигло в это время наибольшего размаха, как известно, в Польше и Венгрии. Что касается Румынии, то критика прежней политической линии и персонально Г. Георгиу-Дежа, прозвучавшая в апреле 1956 г. из уст двух членов политбюро РПП (М. КонстантINESКУ и И. Кишиневского), не была поддержана большей частью партийно-государственной элиты⁹. Едва начавшаяся, очень ограниченная десталинизация, всецело контролируемая центральной властью, была жёстко пресечена с началом 23 октября 1956 г. мощнейшего восстания в соседней Венгрии.

Венгерское восстание возымело в Румынии тем больший резонанс, что в западной части страны (в Трансильвании, Банате, Кришане) проживала большая, порядка 1,7 млн человек, и очень консолидированная, обладавшая высоким уровнем этнического самосознания и значительной прослойкой национальной интеллигенции венгерская диаспора¹⁰. Кроме того, историческая память двух соседних народов несла на себе тяжёлый груз межнациональных распрей и конфликтов, многие из которых (относившиеся ко времени Первой, а особенно Второй мировой войн¹¹) оставили непосредственный глубокий след в сознании здравствующих поколений.

По окончании Второй мировой войны, когда происходило формирование послевоенной системы границ в Центральной и Восточной Европе, новая элита Венгрии, в которой были представлены порвавшие с наследием эпохи Хорти антифашистские партии, надеялась на некоторую корректировку державами-победительницами в пользу Венгрии ее границ с Румынией, установленных Трианонским мирным

⁷ В донесении, подготовленном в аппарате Коминформбюро и относящемся к июлю 1953 г., отмечается, что в Бухаресте за маслом и сахаром выстраиваются очереди по 40, а кое-где и по 120 человек. Нет даже картофеля, вина, пива, рестораны пусты в отсутствие посетителей. — Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 575, оп. 1, д. 278, л. 226.

⁸ Документы из архивов румынской службы госбезопасности (Секуритате), отражающие протестные настроения крестьянства, интеллигенции, других категорий населения в 1950-е годы, регулярно публикуются в бухарестском академическом историческом журнале «Arhivele totalitarismului».

⁹ Подробно см.: *Гладышева А. С.* XX съезд КПСС в оценках румынской политической элиты. — *Studia Historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т. В. Волокитиной, с. 338–354.

¹⁰ Наряду с собственно венграми к ней относилась и проживающая в горных районах Восточной Трансильвании особая этническая группа — секеи (рум.: секуи, нем.: секлеры), отличающиеся значительным культурным своеобразием.

¹¹ См.: *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946. М., 2008; *Стыкалин А. С.* Территориальный спор двух дунайских государств и советско-германское противостояние в регионе. К истории раздела Трансильвании в августе 1940 г. — «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО-Университета. Спецвыпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009, с. 291–298.

договором 1920 г. и считавшихся венгерским общественным мнением явно несправедливыми¹². Она исходила из того, что обе соседние страны, как Венгрия, так и Румыния, относились к числу побежденных и у победившей антигитлеровской коалиции не было, казалось бы, оснований протезировать ни одной из них¹³. Эти иллюзии, однако, не оправдались, и прежде всего благодаря последовательной позиции СССР. Если Великобритания и США были склонны к некоторым территориальным уступкам в пользу Венгрии с учетом этнического фактора, то возглавляемый Сталиным Советский Союз твердо стоял за возвращение Румынии всей территории Трансильвании, при этом, правда, обусловил свою поддержку требованием установления в Румынии более левого правительства, контролируемого СССР и находящегося от него в полной внешнеполитической зависимости. Такое правительство было образовано в Румынии уже в марте 1945 г., его возглавил близкий коммунистам деятель левой крестьянской партии Петру Гроза¹⁴. Благодаря последовательной позиции СССР Парижский мирный договор, подписанный в 1947 г., восстановил прежние, трианонские границы Венгрии и Румынии¹⁵. Конечно, восстановление довоенных границ было воспринято в венгерском обществе как дипломатическая неудача и вместе с тем не вызвала такого же шока как Трианонский мирный договор 1920 г. Роль хортистского режима в войне оставляла Венгрии (независимо от того, какое правительство стояло после войны во главе страны) очень слабые надежды на благосклонное отношение к своим пожеланиям со стороны держав-победительниц и на признание ими правомерности хотя бы части территориальных приращений 1938–1941 гг., осуществленных при поддержке нацистской Германии.

С подписанием мирного договора Венгрии не оставалось ничего другого, как пойти на нормализацию отношений со своим проблемным восточным соседом — тем более что сталинское руководство СССР явно не хотело раздувания конфликтов между странами собственной сферы влияния. Налаживанию внешне нормальных двусторонних отношений способствовала и внутрисполитическая обстановка в Венгрии. Тотальный контроль коммунистов над прессой, установленный к концу 1940-х годов, позволял пресекать публичные проявления ирредентистских настроений, способные вызвать недовольствие Бухареста, а главное — Москвы, и потому нежелательные для официального Будапешта. Заключение 24 января 1948 г. двустороннего договора о дружбе и сотрудничестве с Румынией явилось для Венгрии признанием не только статус-кво в вопросе о границах, но и того факта, что проблема положения большого венгерского национального меньшинства в Румынии всецело относится к компетенции румынского правительства. В угоду единству формирующегося советского блока из венгерской прессы начисто исчезает любая критика национальной политики в соседней стране.

¹² Зейдлер М. Трианонский мирный договор 1920 г. Взгляд современной венгерской историографии. — Историческая экспертиза, 2019, № 2.

¹³ Стыкалин А. С. Позиция новых политических элит Венгрии и Румынии в отношении Трансильвании в процессе подготовки Парижских мирных договоров 1947 г. — Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016, с. 126–134.

¹⁴ См: Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1956. Документы российских архивов. М., 1998. Хотя и Румыния, и Венгрия входили в сферу влияния СССР, в Москве отдали предпочтение Румынии, где власть уже полностью находилась под советским контролем. В Венгрии же на относительно свободных выборах в ноябре 1945 г. победу одержала партия мелких хозяев, пытавшаяся, насколько возможно, дистанцироваться от коммунистов во внутренней политике. Еще существеннее было то, что Румыния имела более важное стратегическое значение для СССР, нежели Венгрия.

¹⁵ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946. М., 2008; Стыкалин А. С. Советский Союз и проблемы международного урегулирования Трансильванского вопроса (1945–1946 гг.). — Великая Отечественная война. 1945 год. М., 2015, с. 103–146.

Таким образом, установление в Венгрии и Румынии коммунистических режимов и принадлежность обеих стран к одному военно-политическому лагерю ускорили видимую нормализацию отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отношений, тем более что в Москве, имея полное представление о тлеющих углях застарелого национально-территориального спора, прилагали все усилия для смягчения потенциальных конфликтов. В 1952 г. именно советская сторона, заинтересованная в хороших отношениях между странами своей сферы влияния, предложила Бухаресту создать в Восточной Трансильвании венгерскую территориальную автономию, при этом были использованы советский опыт и конкретные образцы решения национального вопроса в СССР¹⁶. На территории венгерской автономии имелось больше возможностей для применения венгерского языка в публичной сфере и административном управлении, именно здесь была сосредоточена основная масса венгерских национально-культурных институций. 80% чиновников здесь составляли этнические венгры, лояльные коммунистическому режиму. Создание Венгерской автономной области (ВАО) подавалось в пропаганде как решение проблемы нормализации взаимоотношений румын и венгров в Трансильвании «в духе ленинской национальной политики». Однако в реальности с созданием автономии были тут же ограничены возможности развития венгерской культуры за ее пределами, хотя по меньшей мере две трети румынских венгров проживало не в границах нового административно-территориального образования¹⁷, не входил в нее и традиционный центр венгерской культуры Трансильвании Клуж (венг.: Коложвар), в котором по-прежнему была сосредоточена основная масса элитарной венгерской интеллигенции Румынии, до 1959 г. существовал самостоятельный венгерский университет¹⁸. При этом румынские власти всячески препятствовали установлению каких-либо (в том числе и культурных) связей венгерской автономии с Венгрией даже на уровне общественных организаций¹⁹. Ни о каком национальном самоопределении венгров в рамках этой автономии речи, разумеется, быть не могло. Более того, румынская коммунистическая элита использовала советскую инициативу в целях гомогенизации, румынизации других областей Трансильвании, вытеснения венгерской культуры из большинства трансильванских

¹⁶ Боттони С. Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки, последствия. — Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014, с. 206—230.

¹⁷ Автономия с центром в г. Тыргу-Муреш (венг.: Марошвашархей) занимала территории трех современных румынских уездов — Марош, Харгита и Ковасна. Только в двух последних из них, находящихся на исторической земле секеев, венгры до сих пор составляют большинство населения. Автономия существовала до 1968 г. Историческим фоном для ее ликвидации явился национально-патриотический подъем в румынском обществе, связанный с независимой внешней политикой Румынии, отказавшейся присоединиться к силовой акции ряда стран-участниц Организации Варшавского договора в отношении Чехословакии 21 августа 1968 г.

¹⁸ В 1959 г. на националистической волне он был соединен в одно учебное заведение с клужским румынским университетом под знаком преодоления изолированности венгерского населения Румынии от мажоритарного румынского.

¹⁹ Лидер Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши в декабре 1955 г. познакомился на съезде РРП в Бухаресте с первым секретарем парторганизации этой автономии молодым функционером Я. Фазекашем, который, как выяснилось, к тому времени еще ни разу не был в Венгрии. См.: «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши. — Исторический архив, 1998, № 5—6, с. 196—197. Можно предполагать, что это обстоятельство сыграло немаловажную роль в самом его назначении на свой пост, его кандидатура оказалась предпочтительнее, нежели кандидатуры этнических венгров из числа ветеранов румынского коммунистического движения, в котором венгры в 1920—1930-е годы были сильно представлены (эти последние, как правило, имели давние и тесные связи с венгерским коммунистическим движением).

городов²⁰. За пределами автономии венгры последовательно отодвигались с любых административных позиций²¹. К тому же вскоре после создания автономии, в 1953 г., был распущен Демократический союз венгров Румынии, партия, которая выступала в 1945–1947 гг. союзником коммунистов (заинтересованных и в голосах венгерского избирателя) в их политическом противоборстве с оппонентами и внесла свой вклад в установление в стране коммунистической диктатуры.

Создавая видимость решения венгерского вопроса на основе «советского опыта», коммунистический режим в Румынии вместе с тем в полной мере унаследовал от своих межвоенных предшественников крайне щепетильное и настороженное отношение отнюдь не только к откровенно ирредентистским настроениям в Венгрии, но даже к самым умеренным проявлениям венгерского национализма и, более того, вообще к какому-либо подчеркиванию трансильвано-венгерской культурной общности в прошлом и настоящем. Румынские коммунистические власти очень ревниво смотрели на то, чтобы из Будапешта не вмешивались в дела, касающиеся трансильванских венгров (в том числе развития их культуры), болезненно и с подозрением реагировали даже на самую деликатную постановку вопроса о положении венгров в Румынии. Призрак великомадьярского ревизионизма, то и дело мерещившийся официальному Бухаресту (видевшийся им даже в самой умеренной критике), постоянно отягощал отношения двух стран. Так, в начале 1950-х годов румынская сторона опротестовала предполагаемое включение в подготовленное к изданию в Будапеште собрание сочинений великого венгерского поэта межвоенной эпохи Аттилы Йожефа трех стихотворений, отразивших болезненную реакцию венгра на отторжение Трансильвании²². Еще более резкий отклик — демонстративный отзыв посла — вызвало выступление в прессе в 1955 г. писателя Пала Сабо, выразившего аналогичные ностальгические настроения по поводу Трансильвании²³. Как явствует из записки «О румыно-венгерских отношениях в связи с Трансильванией», подготовленной в сентябре 1956 г. в МИД СССР (записка была подготовлена в связи со скандалом в двусторонних отношениях, о чем речь пойдет ниже), на протяжении 1954–1956 гг. румынский лидер Г. Георгиу-Деж неоднократно жаловался советским дипломатам на двусмысленные высказывания венгерских ответственных лиц, включая самого М. Ракоши, дававшие якобы основания заподозрить их в непризнании послевоенных границ²⁴. В записках бесед сотрудников посольства СССР в Венгрии со своими румынскими коллегами-дипломатами за 1956 г. находим постоянные жалобы румын в связи с живучестью ревизионистских настроений среди венгерских педагогов, представляющих молодежи Трансильванию как одну из венгерских «исторических земель», утраченную лишь вследствие внешних политических неудач²⁵.

²⁰ Этому способствовал и медленный, но верный процесс изменения национального состава трансильванских городов вследствие урбанизации, переселения сельских жителей в города. Согласно переписям, процент румын в них с 1930 по 1977 г. повысился с 35% до 70%, процент же венгров, напротив, значительно снизился. — *Minority Hungarian Communities in the 20-th century*. New Jearsey, 2011, p. 423.

²¹ Проект ВАО не воспринимался в качестве совершенного ни в румынской, ни в венгерской среде Трансильвании и, разумеется, не решил на практике национального вопроса. Более того, в венгерской среде сложилось мнение, что власти явно использовали создание ВАО именно в целях вытеснения венгров с любых значимых административных должностей в уездах, не входивших в состав автономии, и с тем, чтобы ликвидировать многие венгерские культурные институты за пределами автономии.

²² *Magyar Országos Levéltár*, 276 f., 233 o.e., 171 l.

²³ *Ibid.*, 196–197 l.

²⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПР), ф. 077, оп. 37, п. 191, д. 38, л. 56–60.

²⁵ Там же, п. 187, д. 7, л. 157–158; д. 8, л. 133. Советские дипломаты также были склонны расценивать это как проявление венгерского национализма.

Общественный подъем, развернувшийся в Венгрии под влиянием XX съезда КПСС под лозунгами обновления социализма, сопровождался публичной постановкой многих ранее запретных (со времен установления в стране коммунистической диктатуры) вопросов, и в том числе вопроса о положении венгров в Трансильвании. Инициатива здесь принадлежала отнюдь не руководству партии, а его оппонентам из числа коммунистов-реформаторов, с каждым месяцем усиливавшим свое влияние. 9 сентября 1956 г. в центральном партийном органе газете «Szabad Nép» была опубликована статья Пала Панди «О наших общих делах». Как отмечал публицист, «вопрос о румынских венграх оказался в списке щекотливых проблем, которые не принято поднимать и даже просто упоминание о которых может повлечь за собой обвинение в национализме. Боязнь оказаться заподозренным в национализме привела к какому-то подчеркнутому псевдоравнодушию по отношению к венграм», живущим в других странах. Более того, «проявлялась какая-то удивительная готовность всячески продемонстрировать такое равнодушие». Между тем, по мнению автора, «извращения сталинской эпохи» не могли не сказаться на национальной политике в Румынии, и равнодушие к таким извращениям не только оставляет нерешенными существующие проблемы, но и, «вопреки нашему желанию, дает пищу как венгерскому, так и румынскому шовинизму». В статье выражалось недоумение по поводу роспуска ряда общественных организаций румынских венгров, говорилось о необходимости оживления культурного обмена, ставился вопрос о восстановлении в Румынии снесенных после 1920 г. памятников деятелям венгерской истории и культуры — Ш. Петёфи на месте его гибели в 1849 г. в Трансильвании, «арадским мученикам» (ряду генералов, героев революции 1848—1849 гг., казненным в г. Араде после ее подавления). Культура румынских венгров называлась в статье органической частью современной венгерской культуры, к которой должен существовать естественный интерес в самой Венгрии.

Не будучи слишком острой, однако явно непривычной для своего времени по постановке проблем, статья Панди вызвала крайне негативную реакцию политбюро ЦК РРП, на своем заседании квалифицировавшего ее как «открытый призыв к ревизии вопроса о Трансильвании»²⁶. Во избежание более шумных демаршей Бухареста венгерскому руководству пришлось отмежеваться от позиции, прозвучавшей на страницах своего главного партийного органа. Член политбюро ЦК ВПТ Л. Ач провел пресс-конференцию, на которой эта статья была подвергнута осуждению²⁷. С немалой настороженностью публикация была воспринята и в Москве, где опасались возникновения трещин в советском блоке. В докладной МИД СССР в ЦК КПСС в этой связи отмечалось, что появление статьи не случайно, и свидетельствует «о наличии серьезных националистических тенденций в отношении Трансильвании среди некоторых слоев венгерского населения и прежде всего в кругах венгерской интеллигенции»²⁸.

Подобного рода статьи, демонстрирующие оживление в Венгрии общественного интереса к положению соотечественников в соседних странах, вызывали столь большое раздражение коммунистического руководства Румынии не только из-за традиционного недоверия к официальному Будапешту, обусловленного вполне понятными историческими причинами, а прежде всего потому, что венгерское влияние в этот

²⁶ Записка первого заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в ЦК КПСС в связи с положением в Венгрии. 17 сентября 1956 г. — Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 484, л. 37.

²⁷ АВПр, ф. 077, оп. 37, п. 188, д. 10, л. 179.

²⁸ Там же, п. 191, д. 38, л. 55. В донесениях советских дипломатов приводились в качестве характерных высказывания венгерских коммунистов (иногда высокопоставленных) о том, что Венгрию лишили части Трансильвании «в наказание» за ее незавидную роль последнего сателлита нацистской Германии, позже других ее европейских союзников вышедшего из войны. Согласно логике дипломатов, сама постановка вопроса о праве Венгрии на часть трансильванской территории свидетельствует об оживлении «буржуазно-националистических» настроений.

конкретный период связывалось прежде всего с более либеральными политическими веяниями. Румынские коммунистические лидеры, не склонные даже к самым ограниченным реформам, в одинаковой мере боялись как «заражения» собственной интеллигенции идеями либерализации социализма, так и активизации венгерского национального меньшинства (также как, впрочем, и представителей титульной румынской нации) в борьбе за свои гражданские права. Стремясь оградить страну от ветра перемен из Венгрии, Г. Георгиу-Деж и его окружение стали все больше упирать в своей внутренней пропаганде на опасность для Румынии великомадьярского шовинизма.

Особенно решительно эта линия стала проводиться с началом 23 октября венгерского восстания, создавшего новую ситуацию и для соседней Румынии. Самого Дежа этот мощнейший социальный взрыв застал в Югославии, куда он направился в целях полной нормализации отношений с Тито. Отчасти потому, что в Румынии на рубеже 1940—1950-х годов не было проведено своего большого показательного судебного процесса антиюгославской направленности (подобно процессам Райка, Костова и Дзодзе в Венгрии, Болгарии и Албании), а еще и потому, что Румынии в отличие от Венгрии удалось довольно быстро урегулировать проблемы взаиморасчетов в экономических отношениях с Югославией, прерванных после 1948 г., процесс возобновления диалога двух коммунистических элит протекал достаточно плавно и без эксцессов. Показательно, что уже в июне 1956 г. Тито демонстративно ехал в СССР и из СССР не через Венгрию, а более дальним путем, через Румынию, дабы не встречаться с ненавистным ему Ракоши, пока еще пребывавшим в Будапеште у власти. Уже сама первая реакция Дежа на вести из Будапешта была довольно симптоматична как один из первых знаков осторожных поисков более самостоятельной внешнеполитической линии. Придавая хорошим отношениям с соседней нейтральной Югославией, по-прежнему дистанцировавшейся от советского блока, огромное значение, он предпочел не комкать заранее проработанную программу визита и не возвращаться досрочно в Бухарест, наблюдая еще в течение нескольких дней за происходящими событиями в Венгрии из Белграда и давая по ходу дела по телефону инструкции соратникам, принимавшим срочные меры. Это отнюдь не означало, конечно же, недооценки угрозы событий в Венгрии для румынского коммунистического режима. Общенациональное восстание в соседней стране сразу было воспринято правящей элитой Румынии как крайне опасный сигнал, особенно в свете стойкой венгерской национальной идентичности подавляющего большинства трансильванских венгров, а значит их потенциальной солидарности с восставшими соплеменниками. С первых же дней румынскими властями принимается широкий комплекс мер по нейтрализации влияний, идущих из соседней страны.

Дабы избежать серьезных волнений среди студенчества — одной из самых динамичных и политически активных социальных прослоек — приостанавливаются занятия в университетах. Поводом для этого послужили реально проявившиеся в университетской среде Бухареста и Клузы (отнюдь не только среди этнических венгров) оппозиционные брожения. Усиливается пограничный контроль. В целях координации действий, направленных на подготовку должного отпора оппозиционным выступлениям в самой Румынии, в конце октября (вследствие дальнейшего обострения ситуации в Венгрии, а также студенческих волнений в Тимишоаре) создается особый чрезвычайный орган во главе с одним из влиятельнейших членов политбюро министерства обороны генералом Э. Боднэрашем (его заместителем был будущий партийный лидер Н. Чаушеску, для которого активность в ходе венгерских событий стала немаловажной вехой в карьере). Войска приводятся в состояние повышенной боеготовности. Берутся под особую охрану важнейшие объекты в главных городах. В ряде городов приступают к формированию «рабочих дружин» из преданных режиму коммунистов. Принимает все новые обороты пропагандистская кампания, игравшая на антивенгерских настроениях немалой части населения, вызванных опасениями ирредентистских

проявлений²⁹. Многие из принятых мер носили превентивный характер, будучи направленными на жесткое пресечение любых оппозиционных акций.

Требования с упоминаниями о правах венгерского национального меньшинства в Трансильвании занимали более чем периферийное положение в программных заявлениях тех или иных политических сил венгерской революции. Они выдвигались почти исключительно не в Будапеште, а в главном городе восточной Венгрии Дебрецене, расположенном в непосредственной близости от румынской границы. Призывы к ревизии трианонских границ в дни венгерской революции, по известным нам данным, вообще не звучали, хотя впоследствии коммунистическая пропаганда недобросовестно пыталась это приписать последовательнейшему и наиболее принципиальному оппоненту коммунистического режима в Венгрии католическому кардиналу Й. Миндсенти³⁰. В Румынии среди активистов подпольного венгерского национального движения, по некоторым данным, выдвигались, но крайне редко, лозунги независимой Трансильвании³¹, а что касается требований о присоединении края к Венгрии, иногда фигурировавших в следственных и судебных делах, то они никогда не становились публичными и скорее всего были просто продуктами фабрикации спецслужб. Отнюдь не это определяло суть протестных выступлений в Румынии под лозунгами реформ и десталинизации. Вместе с тем реальная настороженность румын в отношении венгерской ирредентистской угрозы существовала. В силу этого любого рода оппозиционные проявления в самой Румынии, имевшие место под влиянием венгерских событий, были в полной мере использованы властями для устрашения румынского общества опасностью великомадьярского национализма и ревизионизма. Иногда это приносило эффект, позволило, в частности, внести определенный раскол в молодежную среду Клужа, утихомирить (не без помощи также и превентивных арестов) студенческие брожения в главном городе Трансильвании, где в силу специфики исторической памяти острота противоречий между венграми и румынами ощущалась достаточно сильно³². По-иному обстояло дело в главном городе Баната Тимишоаре, самом интернациональном городе Румынии, где в силу исторических условий, напротив, сложилась давняя традиция бесконфликтного сожительства румын, немцев, сербов и венгров. В этом городе молодежные (прежде всего студенческие) выступления солидарности с восставшей Венгрией приобрели самый массовый характер, заставив власти прибегнуть к жесткому силовому подавлению³³. Студентами Тимишоары среди прочего было озвучено требование вывода советских войск из Румынии.

²⁹ Подробный анализ ситуации в Румынии конца октября 1956 г. и принятых властями мер по нейтрализации оппозиционных настроений см. в статье: *Гладышева А. С.* Венгерская революция 1956 г. и некоторые аспекты внутренней политики коммунистического режима в Румынии. — Гуманитарные и юридические исследования, 2017, № 4.

³⁰ *Стыкалин А. С.* «Старый национализм приходится пересматривать везде...» Кардинал Миндсенти о месте Венгрии в Средней Европе и будущем российско-венгерских отношений (ноябрь 1956 г.). — Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М. — СПб., 2014, с. 263–293.

³¹ *Aniszi K.* 1956 – Erdely. Kapu, 1997, 10 sz., 90–91 о.

³² Положению в Румынии осенью 1956 г. посвящена большая литература. См. сборник документов на румынском языке: 1956 explozia. Percepții române, iugoslave și sovietice asupra evenimentelor din Polonia și Ungaria. București, 1996. Среди монографических работ на венгерском и румынском языках о ситуации в Румынии в 1956 г. см.: *Sebők A. P.* Kolozsvári perek. Budapest, 2001; *Boca I.* 1956 – un an de ruptură. Romania între internationalismul proletar și stalinismul antisovietic. București, 2001. На румынском языке см. также ряд статей в сборнике по материалам конференции: *Anii 1954–1960. Fluxurile și refluxurile stalinismului.* Simpozion de la Sighetul Marmăției 2–4 iulie 2000. București, 2000. Документы венгерских и румынских архивов, касающиеся проблем двусторонних отношений, содержатся в сборнике: *Magyar-roman kapcsolatok, 1956–1958.* Dokumentumok. Budapest, 2004.

³³ *Sitariu M.* Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956. Iași, 2004.

Исследования показывают, что, вопреки усилиям официальной пропаганды, солидарность с венгерской революцией демонстрировали не только трансильванские венгры, но в немалом количестве случаев и румыны, в том числе представители интеллигенции Бухареста и Клужа, подвергнутые за это нещадным репрессиям³⁴. С другой стороны, преследование некоторых лиц, считавшихся политически неблагонадежными, не было связано с их деятельностью в октябрьские — ноябрьские дни 1956 г., венгерская революция и проявленная к ней частью румынского общества солидарность были использованы в качестве повода для внесения более долгосрочных коррективов во внутреннюю политику в сторону ее ужесточения, нейтрализации и блокирования любого рода реформаторских настроений. Интенсивность репрессий достигла своей кульминации в 1958 г. и первой половине 1959 г., когда в Румынии было арестовано более 15 тыс. человек. По некоторым данным, между октябрём 1956 г. и декабрем 1963 г. всего по политическим мотивам было взято под стражу 24 тыс. 472 человека (им инкриминировались не только «предательство родины» и «попытка свержения народно-демократического строя», в том числе в месяцы венгерской революции, но и «нарушение общественного порядка», несанкционированное пересечение границы или причинение ущерба народному хозяйству)³⁵. Выносились и смертные приговоры.

Как следствие венгерской революции, страшно напугавшей румынскую коммунистическую элиту и довольно настороженно воспринятой немалой частью румынского общества (опасавшегося, как уже отмечалось, усиления в соседней стране ирредентистских, шовинистических настроений, активизации требований пересмотра границ), жесткие чистки были проведены в творческих союзах Румынии; немало деятелей культуры подверглось преследованиям по партийной, административной и судебной линии за реальную или мнимую поддержку венгерского восстания. Так, по некоторым данным, после июньского пленума ЦК РПП 1958 г., прошедшего под знаком идеологического наступления на ревизионистов, из Союза писателей, насчитывавшего 640 членов, было исключено 250 человек, из Союза художников, где было 1547 членов, изгнали 936 человек. Сменились составы редколлегии ряда журналов³⁶.

С другой стороны, власти в целях умиротворения масс все-таки сочли необходимым пойти на некоторые уступки и популярные меры — уже в ноябре 1956 г. Великое Национальное собрание РНР объявило, в частности, об отмене прежних социальных ограничений при участии в выборах органов власти. Предпринимаются и шаги по повышению уровня жизни населения.

Жесткие репрессии, предпринятые Г. Георгиу-Дежем и его командой против тех, кто так или иначе выразил симпатии венгерской революции, и политические преследования всех потенциальных оппонентов коммунистической власти, особенно сильно ударившие по венгерской интеллигенции Трансильвании, были призваны не только запугать недовольных, но и укрепить доверие советских лидеров, убедить их в том, что за Румынию они могут быть спокойны, здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно развитие событий «по венгерскому сценарию». То есть ее руководство не нуждается в мелочной кремлевской опеке, на него можно положиться в принципиальных вопросах, а значит — можно предоставить несколько больше самостоятельности.

³⁴ *Bottoni St. Kényszerből stratégia: a román államhatalom válságzélépései a magyar forradalomra (1956–1958).— 1956 okai, jelentősége és következményei. Szerk. Pál L. és Romsics I. Budapest, 2006, 157–195.о.; Pál-Antal S. Áldozatok — 1956. A forradalmát követő megtorlások a Magyar Autonóm Tartományában. Marosvásárhely (Tîrgu-Mureş), 2006.*

³⁵ *Боттони С. 1956 год в Румынии. — Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений. М., 2018, с. 160.*

³⁶ См. подробно справку о мероприятиях РПП (1959 г.) «по устранению серьезных недостатков в деятельности творческих союзов в Румынии и по ликвидации чуждой идеологии». — Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ), ф. 5, оп. 36, д. 94, л. 43–47.

Эта тактика, очевидно, не была безрезультатной. Представление в Москве о Румынии как о стране, где компартия прочно удерживает власть, находит отражение во многих советских источниках конца 1950-х годов и в том числе в отчетах посещавших ее советских делегаций. Например, типичный «литературный генерал», секретарь Союза писателей СССР, курировавший его Иностранную комиссию, Б. Н. Полевой в своей докладной по итогам 3-недельного пребывания в Румынии в августе – сентябре 1959 г., в том числе в дни, когда отмечалось 15-летие ее разрыва с нацистской Германией, доносил, что «Союз писателей Румынии находится в хороших руках и партийное влияние является в нем преобладающим, хотя, разумеется, эта партийная линия и встречает некоторое скрытое сопротивление у отдельных интеллигентов»³⁷. Вообще, многие его румынские собеседники, функционеры разного уровня, если и жаловались на что-то, то прежде всего на то, что советская печать мало пишет о Румынии. Так, в редакции главной партийной газеты «Scînteia» Полевому говорили: в Румынии «немало серьезных людей, которые ежедневно прикладывают “строчкомеры” к страницам советских газет и разочарованно докладывают о том, что опять Чехословакия, Польша и Венгрия освещены хорошо, а от Румынии отмахнулись коротенькой заметкой». «Может быть это происходит от того, что ваши товарищи спокойны за нас, знают, что руководство в крепких руках и у нас не могут произойти венгерские события?» – пошутил в разговоре с Полевым один ответственный журналист³⁸.

Венгерские события, сильно напугавшие румынскую элиту, вместе с тем дали ей хороший повод, зарекомендовав себя (особенно на явно неблагоприятном венгерском фоне) надежным партнером Москвы, предложить ей свои услуги в деле урегулирования кризиса в соседней стране. Из мемуаров Н. С. Хрущева известно, что в ходе секретной встречи с ним в Бухаресте 2 ноября лидеры Румынии поставили вопрос о возможном участии румынских войск в подавлении венгерской «контрреволюции». Это находит подтверждение и в записи беседы Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова с югославскими лидерами И. Броз Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем на острове Бриони в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г.³⁹ Москва отказалась от этого, вместе с тем всерьез воспользовавшись помощью Румынии в деле нейтрализации свергнутого правительства Имре Надя. Задержанные 22 ноября после выхода из югославского посольства, где они укрылись с началом решающей советской военной акции от 4 ноября, И. Надь и большая группа лиц из его окружения были депортированы в Румынию, в г. Снагов, где находились до весны 1957 г.⁴⁰ Кроме того, румынская сторона попыталась выступить в роли посредника при разрешении возникшего конфликта между советским правительством, а также венгерским пока еще довольно марионеточным правительством Я. Кадара, с одной стороны, и официальной Югославией – с другой⁴¹. Эту посредническую миссию в деле налаживания советско-югославских отношений,

³⁷ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 631, оп. 26, д. 2423, л. 2.

³⁸ Там же, л. 4.

³⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998, с. 526.

⁴⁰ О пребывании «группы Надя» в Снагове см. сборник документов на румынском языке: *Inseamnă de la Snagov: corespondență, rapoarte, convorbiri. Jași, 2004*. См. также сборник документов на венгерском языке: *A Snagóví Foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok. Összeállította, a jegyzeteket és a bevezető tanulmányt írta Baráth M. és Sipos L. Budapest, 2006*. См. также публикацию текстов Имре Надя, написанных в снаговской ссылке: *Nagy I. Snagóvi Jegyzetek. Gondolatok, emlékezősek. 1956–1957. Felelős szerk. Vida I. Budapest, 2006*.

⁴¹ *Стыкалин А. С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь – декабрь 1956 года) – *Славяноведение*, 2000, № 1, с. 70–81. В основе ухудшения отношений СССР с титовской Югославией лежало то обстоятельство, что посольство ФНРЮ в Будапеште предоставило в день крупномасштабной советской агрессии, рано утром 4 ноября, политическое убежище потерявшему власть премьер-министру Венгрии Имре Надю и людям из его окружения, а через неделю, 11 ноября, Тито на партактиве в Пуле выступил с критикой советской политики в Венгрии.

ухудшившихся в результате венгерского кризиса, она пыталась исполнять и позже. Так, первая после ноября 1956 г. встреча югославских и советских лидеров состоялась именно в Румынии 1–2 августа 1957 г. Стороны пришли к взаимному компромиссу. Советское руководство обещало повлиять на Я. Кадара и его команду, чтобы те не выпячивали обвинений против Югославии во время готовившегося судебного процесса по делу И. Надя. Югославская же сторона согласилась участвовать в запланированном на ноябрь 1957 г. совещании компартий социалистических стран, однако в середине октября, ознакомившись с проектом Декларации совещания, заранее отказалась его подписать, убедившись в том, что Москва, как и раньше, продолжает диктовать мировому коммунистическому движению свои установки (румынское посредничество, таким образом, оказалось не в полной мере результативным)⁴².

Активизация внешней политики Румынии в рамках советского блока сопровождалась первыми проявлениями руководством РРП особой позиции по некоторым существенным вопросам мирового коммунистического движения. Оно, в частности, с самого начала стремилось по возможности уклониться от участия на стороне СССР в каких-либо новых антиюгославских кампаниях и сохранить с Белградом хорошие отношения. Уже весной 1957 г. в аппарате ЦК КПСС не могли не заметить, что руководство РРП дистанцируется от публичной критики тех или иных внешнеполитических шагов лидеров Союза коммунистов Югославии (СКЮ), расхоdivшихся с линией Москвы⁴³. В Бухаресте дорожили неплохо развивавшимися отношениями с соседней Югославией (все более выступавшей для румынской партийной элиты в качестве примера социалистической страны, умеющей отстаивать свои приоритеты в диалоге с Кремлем) и не хотели жертвовать в угоду СССР этими отношениями, сужая тем самым поле самостоятельных внешнеполитических маневров для Румынии. В ноябре 1957 г. Георгиу-Деж, ссылаясь на болезнь, не поехал в Москву на большое совещание компартий, приуроченное к 40-летию Октябрьской революции в России. Румынскую делегацию возглавлял премьер-министр Киву Стойка. Можно предполагать, что Деж, информированный об отказе югославов подписать итоговую декларацию, ожидал (и не без оснований), что на конференции начнется их острая проработка⁴⁴, и заранее хотел от нее дистанцироваться. И действительно в дни московских ноябрьских совещаний (узкого и широкого, с участием представителей компартий всего мира) делегация СКЮ во главе с Э. Карделем подвергалась сильному давлению в целях заставить ее подписать декларацию компартий социалистических стран. Однако в целом в то время доминировала линия на нераздувание конфликта, сохранявшаяся до апреля 1958 г., когда была принята новая программа СКЮ, объявленная в СССР ревизионистской. И уже в мае 1958 г., после публикации новой программы СКЮ, Георгиу-Деж и его окружение под давлением Москвы подключились к новой

⁴² См.: *Стыкалин А. С.* Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии. — Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014, с. 265–311.

⁴³ Как отмечалось в одном из документов отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, румыны стараются быть очень осторожны в своих заявлениях, касающихся Югославии и ее политики. — РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 478, л. 125. На это же постоянно обращали внимание своих советских коллег болгарские и албанские дипломаты. Кстати, и в советско-югославской переписке конца 1956 – начала 1957 г. РРП не упоминалась представителями СКЮ среди компартий, с которыми у них существуют серьезные проблемы во взаимоотношениях.

⁴⁴ *Стыкалин А. С.* Руководство КПСС в поисках новых механизмов влияния на мировое коммунистическое движение. От Коминформбюро к первому большому московскому совещанию компартий (весна 1956 г. – осень 1957 г.). — Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. М., 2013, с. 5–51.

антиюгославской кампании, но участвовали в ней довольно вяло⁴⁵. Поддержание в целом стабильных и ровных отношений с ФНРЮ и в дальнейшем давало официальному Бухаресту возможность разыгрывать временами югославскую карту в своем усиливавшемся стремлении к более самостоятельному внешнеполитическому курсу, вполне сочетавшемуся с проведением жесткой, а подчас и репрессивной внутренней политики.

Стремление к более активной внешней политике проявилось не только на югославском направлении, но и в общерегиональном плане при выдвижении ряда важных инициатив сотрудничества балканских (с участием Югославии) и черноморских стран, не противоречивших внешнеполитической линии СССР, но и не во всем с ней совпадавших⁴⁶. Выступая с теми или иными предложениями, в Бухаресте рассчитывали, что это не вызовет негативной реакции Советского Союза, удостоверившегося во время польских и венгерских событий осени 1956 г. в прочности коммунистической власти в Румынии.

Проявив себя надежным партнером Москвы в ходе венгерского кризиса и укрепив тем самым доверие Кремля, румынские лидеры стремились использовать приобретенный капитал в интересах ограничения советского влияния. Решающее значение в этом плане имел вопрос о выводе советских войск. Советские военные формирования находились в Румынии (как и в Венгрии) на основании Парижского мирного договора 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской оккупационной зоной в Австрии. С подписанием в мае 1955 г. государственного договора, восстанавливавшего полный суверенитет Австрии, иностранные войска были из этой страны выведены и, таким образом, перестала действовать юридическая основа для дальнейшего пребывания советских воинских контингентов как в Венгрии, так и в Румынии. Согласно источникам личного происхождения (как широко известным мемуарам Н. С. Хрущева, так и воспоминаниям некоторых деятелей румынской компартии, в частности, Г. Апостола), уже в 1955 г. румынская сторона в ходе неформальных бесед на высоком уровне осторожно зондировала мнение официальной Москвы относительно перспектив вывода советских войск из Румынии, однако ей было указано на несвоевременность подобной инициативы. Во время поездки в СССР румынской делегации во главе с премьер-министром К. Стойка вскоре после венгерской революции, 26 ноября — 3 декабря 1956 г., стороны пришли к выводу о целесообразности дальнейшего нахождения советских войск в Румынии — напуганное событиями в соседней Венгрии румынское руководство не было готово форсировать решение вопроса, и это нашло отражение в публиковавшемся в прессе коммюнике. Вернуться к теме сделала возможным внешнеполитическая обстановка, сложившаяся к 1958 г. Причем желание официального Бухареста освободиться от присутствия советских войск на сей раз сопровождалось встречным стремлением Москвы разыграть румынскую карту, т.е. использовать вопрос о присутствии советских войск в Румынии в своей политике в области разоружения.

⁴⁵ Новая антиюгославская кампания, конечно, не достигла остроты предыдущей, инициированной Сталиным в 1948 г. В мае 1958 г. установки руководства КПСС относительно границ критики СКЮ были наиболее полно изложены в закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям КПСС о советско-югославских отношениях: критика югославского ревизионизма в советской печати «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949—1953 гг.». — РГАНИ, ф. 3, оп. 14, д. 207, л. 75. «Нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдать Югославию в империалистический лагерь. Путем воздействия на членов СКЮ, на югославский народ, своей терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться исправления их ошибок», — говорил Хрущев с трибуны майского пленума ЦК КПСС 1958 г. — Там же, ф. 2, оп. 1, д. 318, л. 35.

⁴⁶ *Стыкалин А. С.* Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е — начало 1960-х годов). — *Studia Balcanica*. К юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010, с. 323—338.

В Кремле вопрос о возможном выводе советских войск из Румынии, согласно известным нам записям, впервые обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС 13 апреля 1957 г. При обсуждении указаний постпреду СССР в ООН В. А. Зорину Хрущев предложил проявить инициативу по выводу части войск из Польши, Венгрии и Румынии, в случае если США согласятся сократить свой контингент в Германии⁴⁷. Начиная с этого времени, проблема вывода советских войск из Румынии становится неотъемлемой составной частью программы разоружения, адресованной Советским Союзом Западу и частично им осуществленной в 1957–1958 гг. 1 апреля 1958 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был рассмотрен вопрос «О проведении переговоров с представителями Румынской Народной Республики по вопросам, связанным с временным пребыванием советских войск на территории РНР». Представленное на рассмотрение Президиума ЦК КПСС предложение Министерства обороны и МИД СССР исходило из нецелесообразности форсированного вывода войск из Румынии, однако в ходе обсуждения, главным образом по инициативе Хрущева, было решено пересмотреть вопрос в направлении вывода⁴⁸. 17 апреля после проведения соответствующих переговоров с представителями Румынии Президиум ЦК утвердил письмо ЦК КПСС в адрес ЦК РРП⁴⁹. В нем отмечалось, что пребывание советских войск в Румынии уже не вызывается необходимостью ввиду некоторого ослабления международной напряженности и достаточной подготовленности румынских вооруженных сил для защиты своей страны.

При принятии решения учитывалось, что Румыния окружена только социалистическими странами, включая внеблоковую Югославию, которая не рассматривалась как потенциальный военный противник⁵⁰. Принималось во внимание также то обстоятельство, что империалистические круги широко используют военное присутствие СССР в Румынии в целях антисоветской пропаганды⁵¹. Важно заметить, что вывод советских войск из Румынии был синхронизирован с принятием мер по усилению обороноспособности ее армии⁵², а также с предоставлением румынскому правительству долгосрочного кредита на сумму 40 млн рублей⁵³. Вывод советских войск из Румынии явился акцией, призванной возыметь прежде всего политико-пропагандистский эффект. В Декларации Политического Консультативного Комитета (ПКК) стран-участниц Организации Варшавского договора (ОВД) от 24 мая 1958 г. он был подан как новое доказательство миролюбивой политики социалистических стран. Советские войска были выведены из Румынии в июне – июле 1958 г. Прекращение советского военного присутствия в свою очередь стало новым фактором, ускорившим формирование более независимой внешнеполитической линии Румынии. Ослабление советского влияния проявилось и в продолжавшемся отзыве советников из силовых структур, процесс этот приобрел еще большую динамику в начале 1960-х годов, когда между СССР и Румынией более отчетливо проявились разногласия по вопросам экономической интеграции стран-участниц СЭВ.

Как бы то ни было, переход к более инициативной внешней политике в тех конкретных условиях не открывал никаких перспектив далеко идущей внутривнутриполитической

⁴⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003, с. 249.

⁴⁸ Там же, с. 304.

⁴⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006, с. 783.

⁵⁰ Показательно мнение Президиума ЦК КПСС, выраженное несколькими годами позже, на заседании 8 января 1962 г. При обсуждении остро стоявшего германского вопроса тогда было замечено (в контексте рассмотрения соотношения сил в Европе), что Югославия не представляет собой реальной военной угрозы для Болгарии, а тем более (!) для Румынии. — Президиум ЦК КПСС. 1954–1964, т. 1, с. 541.

⁵¹ Письмо ЦК КПСС, адресованное ЦК РРП. — Там же, т. 2, с. 1018–1019.

⁵² См. Постановление ЦК КПСС о поставке самолетов в Румынию и передаче ей в аренду боевых кораблей (январь 1958 г.). — РГАНИ, ф. 3, оп. 14, д. 183, л. 6, 18–19, 103.

⁵³ Вопрос был принципиально решен на заседании Президиума ЦК КПСС 3 января 1958 г. — Там же, д. 175, л. 7, 28.

либерализации румынского коммунистического режима, что показали репрессии против тех, кто в той или иной форме выразил солидарность с венгерской революцией, равно как и ряд кампаний по преследованию потенциальной оппозиции (из страха перед массовыми волнениями по примеру соседней Венгрии). Можно даже сказать больше: в стремлении к расширению внешнеполитической самостоятельности в рамках советского блока подспудно содержалось нечто противоположное — желание Г. Георгиу-Дежа и его окружения по возможности оградить свою страну от представлявших реальную угрозу его бесконтрольной власти либеральных веяний, усилившихся на волне XX съезда КПСС, но особенно проявившихся в Польше и Венгрии. Более чем напуганные революцией в соседней стране, румынские лидеры в конечном итоге сумели воспользоваться ею в интересах укрепления своей власти. Из опасений, что либерализация социализма у некоторых соседей пойдет настолько далеко, что сможет вызвать цепную реакцию в Румынии, Георгиу-Деж и его команда с конца 1956 г. все более целенаправленно создавали механизмы противодействия не только венгерскому и польскому, но также и советскому влиянию — причем нередко под вывеской искоренения последствий культа личности⁵⁴.

Венгерские события стали, таким образом, фактором, ускорившим не только формирование более активной внешней политики Румынии, но и создание подобных механизмов. Все это делалось в интересах сохранения прочных позиций Дежа и доверенных ему лиц у власти, предотвращения угрозы их смещения. Ведь венгерская революция наглядно показала небеспочвенность опасений того, что либеральные веяния внутри советского блока могут пойти настолько далеко, что под угрозой окажется сама коммунистическая диктатура. Тем самым был дан второй вслед за XX съездом КПСС серьезный сигнал, заставивший официальный Бухарест начать выстраивать новую модель отношений с Москвой, ограничивающую ее влияние. Именно здесь были заложены корни той политики, которая продолжала набирать силу на последующем этапе развития, в 1960-е годы.

Симптомы некоторого стремления румынской элиты к большей самостоятельности не вызвали в Москве слишком больших беспокойств, о чем мы можем судить по известным нам дипломатическим донесениям и отчетам советских эмиссаров, выезжавших в Румынию. Ведь осенью 1956 г. в Кремле и на Старой площади могли убедиться в прочности коммунистического режима, в стабильности ситуации в стране. Румыния воспринималась как страна, по выражению Хрущева, «шагающая в ногу» с другими членами формирующегося социалистического содружества, а потому глубина обнаружившихся вдруг в начале 1960-х годов разногласий⁵⁵ оказалась для советского лидера довольно неожиданной. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что 5 ноября 1962 г. при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС вопроса о создании совместных плановых органов социалистических стран Хрущев говорил о том, что за годы, прошедшие после смерти Сталина, выросло доверие между социалистическими странами, страх исчез, и Георгиу-Деж, как и некоторые другие восточноевропейские лидеры, «нам безгранично верят»⁵⁶. Чем более иллюзорными были представления об общности интересов, тем острее была реакция Хрущева, проявившаяся, как известно, при встрече с Георгиу-Дежем в Бухаресте 24–25 июня 1963 г., вскоре после варшавской сессии СЭВ, где румынская сторона более жестко, нежели ранее, выступила против попыток заставить ее играть по правилам Москвы при выработке планов экономической интеграции. Однако это уже предмет другой статьи.

⁵⁴ *Cătănuș D. The Romanian Communists under the Impact of Destalinization, 1956–1961. — Totalitarian Archives. București, 2002, № 1–2, p. 174–191.*

⁵⁵ Подробнее о первых проявлениях разногласий и дальнейшем их углублении см.: *Anton M. Ieșirea din cerc. Politica externă a regimului Gheorghiu-Dej. București, 2007.*

⁵⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964, т. 1, с. 645. В ходе поездки Н. С. Хрущева в Румынию, состоявшейся 17–25 июня 1962 г., не было выявлено значительных расхождений между лидерами двух партий по принципиальным вопросам внешней политики, хотя на сессиях СЭВ уже проявлялось к этому времени недовольство ролью, отводимой Румынии в системе экономической интеграции социалистических стран.